

Халифаева А.К., Гоов И.М.

СООТНОШЕНИЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА С ШАРИАТОМ И ПРАВОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: Предметом исследования является соотношение обычного права с шариатом и правом Российской империи на территории Северного Кавказа. Объектом исследования являются три основных элемента – местные обычаи (адат), государственное законодательство и шариат. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как корреляция обычного права и шариата, а затем симбиоз ранних источников с российским позитивным правом. Приведены сравнительные примеры относительно того или иного кавказского этноса. Особое внимание уделяется разграничению отраслей и институтов права между адатом и мусульманским правом. Методологией исследования выбраны традиционный формационный, а также цивилизационный подходы. Методами исследования являются формально-юридический, сравнительный, системно-структурный и др. Основными выводами проведенного исследования являются: при выработке общей федеральной политики по отношению к мусульманскому и традиционному праву на территории Северного Кавказа следует иметь в виду наследие правового плюрализма XIX–XX вв., но не в качестве образца для ориентирования в виде клише, а для учета этого феномена как исторического опыта.

Ключевые слова: Северный Кавказ, обычное право, шариат, право Российской империи, адатский суд, кади, джамаат, шариатский суд, имам Шамиль, Мансур.

Abstract: This article explores the correlation between customary law with Sharia and law of the Russian Empire on the territory of the North Caucasus. The object of this research is the three main elements – local customs (Adat), state law, and Sharia. The author carefully examines such aspects as the correlation between customary law and Sharia law, and then the symbiosis of the early sources of the Russian positive law. The work provides comparative examples of various Caucasian ethnicities. Special attention is given to the distinction between industries and institutions of law, between Adat and Islamic law. The research methodology selected traditional formational and civilizational approaches. The main findings of the study are: when establishing an overall Federal policy towards Muslim and traditional law in the territory of the North Caucasus, the legacy of legal pluralism of the XIX–XX centuries should be taken into account, but not as an example for orientation in form of a cliché, but to account for this phenomenon as a historical experience.

Keywords: North Caucasus, Customary law, Sharia Law, Law of the Russian Empire, Adat court, Qadi, Jamia, Sharia Court, Imam Shamil, Mansur.

Проблема правового плюрализма, активно обсуждаемая юристами, имеет для мусульманских этносов Северного Кавказа как научно-теоретическое, так и практическое значение. Правовая культура исламских субъектов нашей страны в течение последних веков ориентировалась на три основных элемента – местные обычаи (адат), государственное законодательство и шариат. В этом отношении ситуация здесь во многом схожа с правовым развитием большинства исламских стран, где любая составляющая отмеченной триады противостоит двум другим, которые в этом соперничестве выступают союзниками. Так, адат пытается отстоять свои позиции перед шариатом и законом, которые издавна борются с традиционными нормами. Шариат старается утвердить свое превосходство над законом и адатом,

каждый из которых по-своему не хочет воспринимать исламские правила поведения. Наконец, закон претендует на роль единственного легитимного правового регулятора перед лицом адата и шариата, которые – каждый со своих позиций – отрицают принятые государством акты как не отвечающие местным условиям [1].

Принцип хронологии диктует нам стратегию, согласно которой мы должны начать анализ предмета настоящего исследования с соотношения двух категорий, т.е. адата и шариата.

Архаические правовые нормы в основном де-факто инкорпорированы в общественно-политическую и духовную жизнь многих северокавказских этносов. В связи с этническим возрождением и модернизационными процессами, затрагивающими народы Северного Кавказа, в том числе и

мусульманские этносы, актуализируется вопрос о взаимоотношении ислама и адата.

Столкновение ислама и кавказской правовой культуры было не только военным противостоянием мусульманских завоевателей и горцев, но и взаимодействием разных культур, в ходе которого сформировался новый тип смешанной симбиозной правовой системы.

У целого ряда северокавказских народов, поверхностно исповедующих ислам, нормы адата не только бытуют наряду с шариатом, но и порою превалируют над ним [2].

Устанавливающееся политико-правовое доминирование ислама на территориях Северного Кавказа не привело к искоренению традиционного права. Корни его оказались настолько глубокими, что ислам был вынужден приспособиться к общественной и духовной жизни кавказцев, нормам адата, выступавшим в качестве регулятора социокультурной стороны их жизни.

Известно, что мусульманско-правовая наука допускает обращение к обычаю при условии, что он не противоречит шариату. В исламском мире всегда сосуществовали самые различные традиции и обычаи, многие из которых не совпадали с нормами шариата и часто даже противоречили им. Нередко они составляли основу государственного законодательства, принимавшегося в средние века. К адату (урфу) широко обращались светские суды, которые действовали наряду с шариатскими судами. Более того, на практике во многих случаях нормы шариата применялись лишь тогда, когда они становились неотъемлемой частью системы местных обычаев. В результате сформировалась единая система социально-нормативного регулирования, представлявшая собой симбиоз местных обычаев и норм шариата. Она часто именуется адатом или адатным правом[1].

Шариату так или иначе уделили внимание такие исследователи как Л.Р. Сюкияйнен, Д.Ю. Шапсугов, В.О. Бобровников, А.А. Ливеровский, З.Х. Мисроков, Свечникова Л.Г., Халифаева А.К. и др. Специалист по мусульманскому праву Л.Р. Сюкияйнен, на наш взгляд, более чем детально раскрывает сущность всего, что связано с шариатом и в целом с исламом: Шариат – комплекс закрепленных в Коране и сунне предписаний, которые определяют убеждения, формируют религиозную совесть и нравственные ценности мусульман, а также выступают источниками норм, регулирующих их поведение.

Содержательным можно назвать определение, данное В.О. Бобровниковым: «Шариат представля-

ет собой комплекс религиозных и правовых норм, составляющих основу мусульманского права (араб. ал-фикх). Это чрезвычайно гибкая правоохранительная система, способная функционировать внутри самых различных общественных систем и политических режимов как в мусульманских, так и в немусульманских государствах. Так, некоторые нормы шариата (например, порядок возмещения убытков в случае кораблекрушения) усвоены международным правом» [3].

Ислам на Северном Кавказе раньше всего проникает и начинает распространяться в Дагестане, который и сегодня остается наиболее исламизированной республикой Северного Кавказа [4, с. 14; 5, с. 18].

По шариату стали решать все дела, касающиеся религии, семейных отношений, завещаний, наследства и некоторых гражданских исков.

Дела же уголовные, по нарушению права собственности, общественных постановлений и т.п., продолжали решаться по прежним адатам, к которым прибавились и адаты, определяющие наказания за некоторые преступления и поступки против правил религии.

На основе проведенного анализа Мисроковым З.Х. обосновывается положение о том, что адатный суд был более рациональным, чем суд кади, его процедура была более доступна и понятна, а решение судей – людей осведомленных и почитаемых – не подвергалось сомнению [6, с. 24].

Так началось на Кавказе сосуществование и в какой-то мере взаимодействие двух правовых систем – адатной и шариатской. При этом следует подчеркнуть, что по ходу развития противоречия между адатом и шариатом постепенно нивелировались до такой степени, что зачастую адатный суд вершили кадии – представители мусульманской религии, а в шариатских установках было допущено немало постулатов, взятых из сводов адатов. Несмотря на неимоверные усилия религиозных деятелей отправить адат на свалку и занять его место шариатом, все же в морально-правовой жизни горцев он не стал господствующей правовой системой. Свободолюбивые и миролюбивые горцы не могли принять жесткие виды наказания шариата вроде отрубания рук за воровство, забрасывание камнями тех, кого уличили в прелюбодеянии и т.д. Введение шариата требовало изучения и хорошего знания арабского языка и Корана как главного источника шариата. Нормы адата имели для горцев преобладающее значение и потому, что шариат как творение Аллаха не подлежал изменению, а гор-

цы же решали свои правовые вопросы, исходя из конкретных условий своей джамаатской общины. Вместе с тем надо подчеркнуть, что между адатами и шариатом по существу не было проявлений антагонизма, более того, шариат всячески старался придать религиозную окраску им и усиливал их правовой статус.

Таким образом, борьба и взаимное приспособление исламских и неисламских норм определили развитие правового адата кавказских горцев. Одни и те же суды рассматривали судебные иски и по обычному, и по мусульманскому праву. В руках местной мусульманской элиты была сосредоточена судебная, законодательная и исполнительная власть. Более того, при разборе уголовных, земельных и семейных дел нормы адата порой смешивались с предписаниями шариата [7].

Мониторинг источников права различных правовых систем показывают, что закон и обычай сосуществуют в течение всей правовой системы, сколько бы она не длилась, однако удельный вес норм, установленных в той или иной форме, так же, как их формальная приоритетность, изменяется от одной эпохи к другой.

Историческое развитие традиционных институтов права на Северном Кавказе уникально. XVII – XVIII в.в. на Северном Кавказе сложилась северокавказская цивилизация, характеризующаяся полиэтничностью, религиозным синкретизмом (синтез язычества, христианства и ислама), психологическими чертами, закреплёнными в кодексах, преобладанием негосударственных (но не догосударственных) форм самоорганизации [8]. Уже в этот период народы Северного Кавказа переходят к зарождению органов публичной власти и генезису обычного права правового дуализма на основе норм адата и шариата [9, с. 49-53].

Начало новым представлениям было положено Екатериной II, которая писала в одном из наказов: «Законы суть особенные и точные установления законоположника, а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями» [10, с. 24-25; 11, с. 311-314].

С конца XVIII в. начинается т.н. «эпоха шариата». В начале XIX в. была предпринята попытка Османской империей ослабить действие горского адата: появились местные исламские лидеры, стремящиеся к значительному реформированию и модернизации мусульманской жизни горцев Северного Кавказа (шариатское движение

в Кабарде, руководитель Адиль-Гирей Атажукин, 1798 г., сторонники движения – Хан-Гирей и Шора Ногмов [12, с. 163]; движение мюридизма, руководитель – Шамиль, создание имамата на Северо-Восточном Кавказе, 1834–1859 гг., сторонники на Северо-Западном и Центральном Кавказе – Измаил-бей Атажукин, эфенди Исхак Абуков) [13]. Заслуживает внимание тот факт, что в обществах Кавказа, принявших ислам, властные структуры, если таковые имелись и обладали достаточным авторитетом и силой, пытались провести в жизнь установления шариата, мусульманского права, противодействуя местным обычаям, вступавшим в конфликт с интеграционными идеями ислама. Так, предводитель народно-освободительного движения в Чечне и на Северном Кавказе шейх Мансур, опираясь на исламские ценности, нормы шариата, в своих публичных проповедях призывал чеченцев к покаянию, милосердию и взаимопомощи, отказу от грабежей, ссор, кровной мести. На их основе ему временно удалось консолидировать разрозненные чеченские общества (джамааты), часто враждовавшие между собой и придерживавшиеся архаичных адатов. По мнению Мансура, принятие шариата должно было сплотить горские народы, разделенные на свои особые адаты [14, с. 11; 5, с. 18].

Мансур противопоставлял религиозный закон адату, против которого, с его точки зрения, должна вестись решительная борьба. Он подчеркивал, что решение дел по адату есть неверие в Бога, поскольку такое решение умаляет значение шариата, приравнивая к нему закон земной.

В период Кавказской войны Шамиль не менее энергично стремился ввести строгие нормы шариата среди горцев, но, встретившись с глухим их сопротивлением, был вынужден пойти на некоторые уступки в пользу адата. Полное искоренение адатов оказалось ему не под силу. Так, чеченцы из тайпа чеберлой на требование Шамиля подчиниться шариату ответили не без юмора, что они его «шариат уложили в бурдюк и перевязали горло», и предложили его забрать. Даже жестокие репрессии Шамиля против чеберловцев не способствовали укреплению шариата среди них. С поражением горцев в Кавказской войне, ликвидацией имамата Шамиля, шариат приходит в упадок, что приводит к реанимации адата – по взятии Шамиля в плен все население Дагестана восстановило у себя разбор по адату [2].

С течением времени в 1860–1868 гг. в Северо-Кавказском регионе была проведена реформа на основе кодификации и некоторой модернизации

обычного права. Основные принципы определены в «особой инструкции для управления горцами», составленной А.И. Барятинским. Запрещался ряд архаичных норм адата, противоречащий российскому законодательству. Но в XIX в. мусульмане дореволюционной Кабарды нередко обращались к адату не только при решении уголовных дел, но и в сфере семейного, наследного или гражданского права [15; 16, с. 296].

Исторической особенностью Северного Кавказа было то, что после установления здесь российской власти коренное население региона было надолго изъято из-под действия большинства общероссийских законов. В Российской империи за ними закрепилось понятие «туземцы» или «иностранцы». По мысли российской администрации, реформы правовой организации на окраинах имели целью подготовить переход аборигенов к полному принятию российского гражданства и распространения на окраины законодательства империи.

Начиная со второй половины 1850-х годов (в завершающий период Кавказской войны 1817–1864 гг.) для «мирных горцев» региона создавалась новая администрация, получившая название военно-народного управления. Ее сущность неплохо сформулировал наместник Кавказский (1905–1915) генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армией, и на предоставлении населению во внутренних делах вестись по своим адатам» [17, с. 4].

Создателем военно-народного управления был упомянутый выше наместник Кавказский (1856–1862) князь А.И. Барятинский. Со времени установления контактов с российским руководством – военными и гражданскими основная проблема для народов Северного Кавказа – это сохранение своих традиций и обычаев народов. Именно эта идея будет проходить красной нитью на протяжении всего XIX в [18, с. 17].

Первым законодательным актом, в котором основы военно-народного управления были изложены наряду с общей программой реформ, стало принятое 1 апреля 1858 г. «Положение о Кавказской армии», которое включало в себя отдельную часть «По управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления». Основные принципы и порядок управления горцами по новой

системе определяла инструкция для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии, утвержденная Барятинским 23 марта 1860 г.

Исчезла социальная иерархия местной военной элиты, особенно сильно развитая в дореформенное время в Большой Кабарде (на территории современной Кабардино-Балкарии) и равнинном Дагестане.

Другим направлением реформы было ослабление шариата и модернизация адатного права и процесса, имевшая целью подготовить постепенный переход горцев к единому российскому законодательству.

Вместе с тем российская администрация попыталась уничтожить ряд архаичных уголовных норм адата, прямо противоречащих российскому законодательству. Начальникам округов было вменено в обязанность не допускать применения в народных судах «решений по шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов».

В 1860-е годы Кавказская укрепленная линия была упразднена и Северный Кавказ был разделен на три области: Дагестанскую, Терскую и Кубанскую. В Терской и Кубанской областях удалось реализовать лишь отдельные элементы военно-народного управления. В отличие от Дагестана его институты здесь никогда не отличались единством и стройной организацией.

Система адатно-шариатного правосудия у горцев Терской и Кубанской областей была не трех-, а двухуровневой. Такие суды были созданы здесь намного позднее, чем в Дагестане и не раз меняли форму [19, с. 17-24].

До русского завоевания развитие местного права у мусульман Кавказа шло в форме рецепции норм шариата в адате. На сельских сходах принимали постановления о переходе к мусульманскому праву (фикх) при разборе определенных категорий судебных дел. Ко времени присоединения Кавказа к России сферы применения законов адата и шариата были относительно разграничены. Первый обычно использовался при решении уголовных дел и поземельных тяжб по поводу общинных владений (араб. харим). В ведение шариата перешло гражданско-семейное и отчасти поземельное право (частносемейная и мечетная собственность – мулк и вакф) [20].

Следует особо подчеркнуть, что Россия всячески поддерживала кавказские адаты, подчас в противовес шариату, ибо адаты были ближе к народу и не содержали таких жестоких видов наказания, как отрубание рук за воровство, убийство

и забрасывание камнями за прелюбодеяние и т.д. После революции 1917 г. отношение государства к традиционному и мусульманскому праву изменилось. В отличие от Российской империи советская Россия в 1920-е годы боролась с обычным правом, видя в нем орудие классового и колониального эксплуатации горцев-мусульман, унаследованное от царского режима. Советская власть была установлена в регионе при поддержке влиятельных представителей мусульманской духовной элиты, включая суфийских шейхов Дагестана, Чечни и Ингушетии. На первых порах это обстоятельство предопределило поддержку государством шариата. При этом реальная политика государства по отношению к мусульманскому (и традиционному или обычному) праву в 1920–1980-е годы не раз и сильно менялась. Эти метаморфозы запечатлены в советском законодательстве.

С началом Гражданской войны уже в январе 1919 г. шариатские суды были преобразованы в военно-шариатские. При сменявшихся друг друга военных режимах их использовали для сведения счетов с политическими противниками. С их помощью турецкие оккупационные войска, отряды полковника Л.Ф. Бичерахова и Добровольческая армия генерала А.И. Деникина расправлялись с большевиками и сторонниками Северо-кавказского эмирата, созданного в горах северного Дагестана и Чечни шейхом братства Накшбандийа-Халидийа Узун-Хаджи.

Несмотря на свое название, шарсуды продолжали руководствоваться не только мусульманским правом, но и нормами адата. Наиболее широкими полномочиями окружные шарсуды были наделены в Чечне и Ингушетии. Здесь их решения мог обжаловать только Верховный суд РСФСР. В Кабарде и Адыгее жалобы на решения окружных шарсудов подавались в республиканский НКЮ. Наконец, в Кубано-Черноморской республике вместо шариатских судов была учреждена должность кади в составе народных судов.

В 1920-е годы отличительной чертой Северного Кавказа оставался правовой плюрализм, сосуществование в республиках нескольких судебных-правовых систем. Согласно официальной советской статистике, на Северо-Западном Кавказе шарсуды ежегодно разбирали до 30–50 % всех судебных дел; в Дагестане и Чечне – до 70–80 %. [21, с. 227-228; 19, с. 31-36]

Отношение советской власти к мусульманскому праву было прямо противоположно политике дореволюционной российской администрации. Последняя поддерживала адат, надеясь ослабить

этим позиции мусульманского повстанчества. Большевики же в начале 1920-х годов, наоборот, искали союза с мусульманским освободительным движением. Пока советская власть была слаба, большевики пытались привлечь на свою сторону мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату. Расчет большевиков оказался верен. Так, в Дагестане советская власть была установлена благодаря поддержке Советов со стороны партизанских отрядов во главе с накшбандийским шейхом Али-Хаджи Акушинским [3]. Напомним, что на Северном Кавказе в годы зарождения советской власти возникло шариатистское движение. В Дагестане во главе этого движения стоял шейх Али-Хаджи Акушинский, в Чечне – шейхи Сугаип-мулла и Али Митаев, в Кабарде – Катханов.

Таким образом, развитие шариата как нормативно-ценностной, регулятивной системы в советский период свелось к двум парадоксальным тенденциям: 1) Советская политическая, государственная власть на первом этапе своего существования сочла его пригодным для осуществления своих целей в организации общественных отношений и управления, и обеспечивала реализацию его норм и принципов; 2) Советское государство придавало мусульманскому праву значение реального фактора в жизни народов северного Кавказа [6, с. 34].

Окончательно их запретили сначала в Северной Осетии, где мусульмане составляли меньшинство населения, в 1924 г. в Горской республике, в январе 1925 г. – в Адыгее и Кабардино-Балкарии, в январе 1926 г. – в Ингушетии и Чечне, а в апреле – октябре 1927 г. – в Дагестане [22, с. 284].

Что же касается джамаатского правления и сельских адатных судов, то их постигла та же участь, что и шариатские суды. Выдавленные из официального нормативного поля элементы адата и шариата были полностью исключены из формально-правового поля Северного Кавказа, но латентно продолжали сохраняться и влиять на правосознание и функционирование местных органов государственного управления и правоохранительных структур. В связи с этим проблемы вокруг возрождения шариата на Северном Кавказе и его влияния на общественно-политические процессы в регионе до сих пор остаются дискуссионными, приковывая к себе все большее число как местных, так и региональных (федеральных) средств массовой информации [23].

В 1928 г. на Северный Кавказ было распространено действие X главы Уголовного кодекса

(УК) РСФСР «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Эта глава сохранилась в последующих изданиях УК РСФСР вплоть до УК 1960 г. Обращение к правовым нормам адата наравне с кровомщением и ишкелем (барамта) приравнивалось к тяжелым уголовным правонарушениям.

С началом Великой Отечественной войны отношение к религии, мусульманскому и традиционному праву в СССР радикально изменилось. На общесоюзном уровне в Москве было решено легализовать отдельные религиозные общины и институты, чтобы привязать верующих к советскому государству и помочь ему выстоять во Второй мировой войне. Деятельность ДУМСК охватывала 8 автономных республик и областей Северного Кавказа с мусульманским населением – Дагестанскую АССР, Кабардинскую АССР (с 1957 Кабардино-Балкарская АССР), Северо-Осетинскую АССР, Адыгейскую АО, Краснодарский и Ставропольский края, Грозненскую область, а с 1957 г. восстановленные после реабилитации депортированных народов Чечено-Ингушскую АССР и Карачаево-Черкесскую АО. В столицах каждой из этих северокавказских автономий РСФСР муфтияты представляли казии (кади) и ревизионные комиссии, ежегодно проверявшие финансовые отчеты и в целом деятельность зарегистрированных мечетных общин и отчитывавшиеся за нее перед муфтиятом [22, с. 302; 19, с. 41]. В августе 1998 г. по инициативе ДУМД для совместной борьбы с ваххабизмом в Назрани был создан Координационный центр мусульман Северного Кавказа, объединивший ДУМ Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, Адыгеи, Северной Осетии–Алании.

В постсоветской России отношение политики и науки к правовым и неправовым традициям резко изменилось. Как на федеральном, так и на региональном уровнях признана позитивная ценность обычая как такового, его правовой статус резко повысился. Государство взяло на себя охрану местных традиций и даже признало традиционное (обычное) право в качестве возможного источника законодательства. Этой задаче должны служить законы «О сельской общине», «О сельском самоуправлении» и «О третейских судах», принятые в 1995–1997 гг. в Адыгее, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании. Начиная с президентства Б.Н. Ельцина, федеральные власти не раз заявляли о своей поддержке ислама как одной из традиционных конфессий россиян, начиная с «Концепции национальной

безопасности Российской Федерации» 1997 г. [24, с. 10432] Подчеркивая заботу российского государства не только о православных, но и о мусульманских гражданах РФ, президент ежегодно поздравлял их с праздником Курбан-байрама, точно также как православных – с Пасхой и Рождеством. Эту традицию продолжили президенты Д.В. Медведев и В.В. Путин. В преамбуле федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» ислам вместе с православием отнесен к религиям, «составляющим неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [25, с. 7666].

В последние 2000-годы власть вновь решила опереться на «полезные местные традиции», прежде всего советы старейшин, подобные институтам, созданным, как уже говорилось, в 1950–1970-е годы, но уже не на уровне селений и районов, а на уровнях Северо-Кавказского федерального округа (СФКО) и субъектов Федерации [19, с. 63]. В марте 2012 г. было проведено первое совещание полпреда с кандидатами в Совет от ДУМ субъектов РФ в регионе.

В современных научно-публицистических статьях часто поднимается проблема сосуществования триады: светского закона, шариата и адата.

На этом фоне интерес представляет, в частности, отношение российских государственных структур и отдельных представителей власти к шариату в его сопоставлении с действующим законодательством. Единого понимания этого вопроса нет. К примеру, И.Л. Бабич на основе исследования ситуации в Кабардино-Балкарии выделяет три основных подхода, которые разделяют властные структуры, правоохранительные органы, депутатский корпус и общественные движения. Первый исходит из признания существующего положения вещей, фактически действующих сейчас норм адата и шариата без их законодательного закрепления, но и без искусственного возрождения оставшихся в прошлом традиций.

Второй предполагает принятие законодательства, включающего сохранение местных традиций и обычаев, которые играют позитивную роль. Сторонники такого решения проблемы уверены, что реформирование судебной и правовой системы с учетом традиционного права всегда являлось краеугольным камнем во взаимоотношениях между Россией и Кавказом.

Наконец, третьего варианта придерживается большинство чиновников и депутатов местных парламентов, которые последовательно отстаивают единство сложившейся в современной России право-

вой системы и считают, что образ жизни местного населения кардинально изменился, сведя влияние прежних традиций к минимуму. Поэтому говорить о какой-то параллельной закону действенной системе норм адата и шариата нет оснований, а их возрождение и тем более легализация не являются актуальной проблемой [26, с. 116-127; 27, с. 4-30].

А.А. Ливеровский предлагает, пожалуй, самую развернутую концепцию решения данного вопроса на общетеоретическом, историко-правовом и конституционном уровнях применительно к Северному Кавказу, предлагая конституционное признание обычного права [28].

На наш взгляд, концепция А.А. Ливеровского имеет рациональное зерно. В частности, следует согласиться, что власть в российских регионах традиционного распространения ислама не использует в достаточной мере свои конституционные полномочия по предметам ведения субъектов Российской Федерации, а также совместного ведения Федерации и ее субъектов для принятия законодательства, отражающего исторические и культурные традиции проживающих в них народов. Можно поддержать вывод, что ряд норм адата и шариата сохраняет положительный потенциал для защиты интересов этнических и религиозных общин. Некоторые традиционные правила и институты отвечают юридическим критериям и поэтому могут найти свое место в правовой действительности нашей страны, прежде всего, на

региональном уровне. Кроме того, вызывает интерес попытка дать конституционное обоснование обращению к шариату и найти правовую формулу его взаимодействия с российским законодательством [27, с. 4-30].

Близкие по своей направленности мысли развивают З.Х. Мисроков и Т.З. Мисроков, которые анализируют категорию традиций в контексте законодательного регулирования системы местного самоуправления [29, с. 313-318].

В данном случае взгляды российских исследователей на проблему шариата и его взаимодействия с действующим законодательством отличаются большей взвешенностью. В подтверждение данного вывода можно привести Указ Президента Российской Федерации о стратегии государственной национальной политики от 19 декабря 2012 г., в котором среди принципов такой политики отмечается взаимное уважение традиций и обычаев народов России, а также преемственность исторических традиций [30].

Суммируя вышеизложенное, можно предложить вниманию видимую нами парадигму по этой проблеме: при выработке общей федеральной политики по отношению к мусульманскому и традиционному праву на территории Северного Кавказа следует иметь ввиду наследие правового плюрализма XIX–XX вв., но не в качестве образца для ориентирования в виде клеше, а для учета этого феномена как исторического опыта.

Библиография:

1. Сюкияйнен Л.Р. Шариат и обычай: проблемы взаимодействия // http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/sukijajnen.html
2. Акаев В. Ислам и горские адаты на Северном Кавказе // <http://evrazia.org/print.php?id=2059>
3. Бобровников В.О. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5 (14).
4. Рощин М.Ю. Из истории ислама в Чечне. Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Прага, 2011.
5. Сайдумов Д.Х. О некоторых аспектах влияния шариатского права в Чечне и Ингушетии на право и правосудие после принятия и распространения ислама // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 2.
6. Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX–XX вв.): Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2003.
7. Агакеримова Ч.А. Взаимодействие в Дагестане адата, шариата и законов Российской империи: историко-правовой аспект. Дербент, 2012.
8. Ковалевский М. Дагестанская народная правда // Этнографический обзор. 1890. № 1.
9. Садагдар М.И. Основы мусульманского права. М., 1968.
10. Екатерина II. Сочинения. М., 1990.
11. Тленшева Р.М. Адатское право в период присоединения Северного Кавказа к Российской империи // Бизнес в законе. 2008. №2.
12. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Тифлис, 1861.
13. Волгина А.П. Отношение российского государства к обычному праву народов Северного Кавказа в первой половине XIX в. // http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=2558
14. Яндаров А.Д. О времени, условиях и причинах распространения ислама в Чечено-Ингушетии // Из истории ислама в Чечено-Ингушетии / отв. ред. В.Х. Акаев. Грозный, 1992.
15. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев. Нальчик, 1976.

16. Гозгешева С.М. Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. №3.
17. Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб., 1907.
18. Сатушиева Л.Х. Статус национальных культур народов Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX века // История государства и права. 2014. № 16.
19. Светское государство, мусульманское и традиционное право на Северном Кавказе. М., 2012.
20. Адат // <http://zamanaonline.com/enc/adat.htm>
21. Мисроков З.Х. Отмирание шариатской юстиции в автономиях Северного Кавказа. М., 1979.
22. Халифаева А.К. История государства и права Дагестана. Махачкала, 2012.
23. Теунов М.К. Шариат в процессе трансформации традиционных правовых институтов на Северном Кавказе // Право и безопасность. 2010. № 3 (36).
24. Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 52. ст. 5909.
25. Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 39. Ст. 4465.
26. Бабич И.Л. Формирование правового плюрализма в советское и постсоветское время на Северо-Западном Кавказе // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: Стратегия, 2000.
27. Сюкяйнен Л.Р. Совместим ли шариат с современным российским правом? // Правовая мысль: история и современность. 2014. № 3.
28. Ливеровский А.А. Перспективы претворения шариата и адата в современной России. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2012.
29. Мисроков З.Х., Мисроков Т.З. Исторические традиции как конституционная категория: вопросы институционализации в контексте местного самоуправления // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства (вып. VIII): сб. науч. тр. Казань: ООО «Офсет-сервис», 2013.
30. Указ Президента Российской Федерации о стратегии государственной национальной политики от 19 декабря 2012 г.
31. Красняков Н.И. Регионально-наместническое правление в кавказских территориях Российской империи // Юридические исследования. – 2014. – 3. – С. 40 – 69. DOI: 10.7256/2409-7136.2014.3.11032. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_11032.html
32. Сатаев А.Ф. Особенности судебной системы и судоустройство Арабского Халифата // Право и политика. – 2013. – 10. – С. 1381 – 1389. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.10.9648.
33. С. А. Февралёв Политико-юридическая природа местного права в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX вв.). // Право и политика. – 2012. – 2. – С. 327 – 338.

References (transliterated):

1. Syukiyainen L.R. Shariat i obychai: problemy vzaimodeistviya // http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/sukijajnen.html
2. Akaev V. Islam i gorskie adaty na Severnom Kavkaze // <http://evrazia.org/print.php?id=2059>
3. Bobrovnikov V.O. Shariatskie sudy na Severnom Kavkaze // Otechestvennye zapiski. 2003. № 5 (14).
4. Roshchin M.Yu. Iz istorii islama v Chechne. Islam na Severnom Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Praga, 2011.
5. Saidumov D.Kh. O nekotorykh aspektakh vliyaniya shariatskogo prava v Chechne i Ingushetii na pravo i pravosudie posle prinyatiya i rasprostraneniya islama // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2.
6. Misrokov Z.Kh. Adatskoe i musul'manskoe pravo narodov Severnogo Kavkaza v rossiiskikh pravovykh sistemakh (XIX–XX vv.): Avtoref. dis... d-ra yurid. nauk. M., 2003.
7. Agakerimova Ch.A. Vzaimodeistvie v Dagestane adata, shariata i zakonov Rossiiskoi imperii: istoriko-pravovoi aspekt. Derbent, 2012.
8. Kovalevskii M. Dagestanskaya narodnaya pravda // Etnograficheskii obzor. 1890. № 1.
9. Sadagdar M.I. Osnovy musul'manskogo prava. M., 1968.
10. Ekaterina II. Sochineniya. M., 1990.
11. Tlensheva R.M. Adatskoe pravo v period prisoedineniya Severnogo Kavkaza k Rossiiskoi imperii // Biznes v zakone. 2008. №2.
12. Nogmov Sh.B. Istoriya adykheiskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev. Tiflis, 1861.
13. Volgina A.P. Otnoshenie rossiiskogo gosudarstva k obychnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza v pervoi polovine XIX v. // http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=2558
14. Yandarov A.D. O vremeni, usloviyakh i prichinakh rasprostraneniya islama v Checheno-Ingushetii // Iz istorii islama v Checheno-Ingushetii / otv. red. V.Kh. Akaev. Groznyi, 1992.
15. Dumanov Kh.M. Obychnoe imushchestvennoe pravo kabardintsev. Na'chik, 1976.
16. Gozgesheva S.M. Fenomen traditsionnykh institutov obychnogo prava (adata) i musul'manskogo (shariata) na Severnom Kavkaze // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2011. №3.
17. Vorontsov-Dashkov I.I. Vsepoddanneishaya zapiska po upravleniyu Kavkazskim kraem. SPb., 1907.
18. Satushieva L.Kh. Status natsional'nykh kul'tur narodov Severnogo Kavkaza v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka // Istoriya gosudarstva i prava. 2014. № 16.

19. Misrokov Z.Kh. Otmiranie shariatskoi yustitsii v avtonomiyakh Severnogo Kavkaza. M., 1979.
20. Khalifaeva A.K. Istoriya gosudarstva i prava Dagestana. Makhachkala, 2012.
21. Teunov M.K. Shariat v protsesse transformatsii traditsionnykh pravovykh institutov na Severnom Kavkaze // Pravo i bezopasnost'. 2010. № 3 (36).
22. Babich I.L. Formirovanie pravovogo plyuralizma v sovetskoe i postsovetskoe vremya na Severo-Zapadnom Kavkaze // Yuridicheskaya antropologiya. Zakon i zhizn'. M.: Strategiya, 2000.
23. Syukiyainen L.R. Sovmestim li shariat s sovremennym rossiiskim pravom? // Pravovaya mysl': istoriya i sovremennost'. 2014. № 3.
24. Liverovskii A.A. Perspektivy pretvoreniya shariata i adata v sovremennoi Rossii. Makhachkala: IPTs DGU, 2012.
25. Misrokov Z.Kh., Misrokov T.Z. Istoricheskie traditsii kak konstitutsionnaya kategoriya: voprosy institutsionalizatsii v kontekste mestnogo samoupravleniya // Aktual'nye problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva (vyp. VIII): sb. nauch. tr. Kazan': OOO «Ofset-servis», 2013.
26. Krasnyakov N.I. Regional'no-namestnicheskoe pravlenie v kavkazskikh territoriyakh Rossiiskoi imperii // Yuridicheskie issledovaniya. – 2014. – 3. – С. 40 – 69. DOI: 10.7256/2409-7136.2014.3.11032. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_11032.html
27. Sataev A.F. Osobennosti sudebnoi sistemy i sudoustroistvo Arabskogo Khalifata // Pravo i politika. – 2013. – 10. – С. 1381 – 1389. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.10.9648.
28. S. A. Fevralev Politiko-yuridicheskaya priroda mestnogo prava v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XVII – nachalo XX vv.). // Pravo i politika. – 2012. – 2. – С. 327 – 338.